

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.2.7>

Осиповский Семен Николаевич, Белоглазов Роман Николаевич

**РОЛЬ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ КУЛЬТОВЫХ
СООРУЖЕНИЙ СЕВАСТОПОЛЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

В статье анализируется влияние органов государственного управления на процесс проектирования, финансирования и возведения культовых сооружений в Севастополе в первой половине XIX века. Установлено, что эти вопросы находились в компетенции как высшего командования военно-морского флота, так и отдельных руководителей центральных ведомств Российской империи, включая утверждение наиболее принципиальных вопросов храмового строительства в городе на уровне главы государства. При этом при формировании конфессионального пространства региона было признано необходимым установить историческую преемственность между духовной жизнью нового строящегося города и событиями христианской истории Херсонеса Таврического, которая обусловила внимание к Севастополю как одному из сакральных центров государства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/2/7.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 2. С. 35-40. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

правовой базы, ужесточения наказаний и борьбы с беспризорностью до внесудебной расправы. В результате уровень наркомании в СССР начал постепенно снижаться.

Список источников

1. Аникин В. А. Исторические аспекты становления российского уголовного законодательства об ответственности за нарушение правил оборота наркотических средств и психотропных веществ // Общество и право. 2010. № 2. С. 121-125.
2. Вислоух С. Проституция и наркомания // Рабочий суд. 1925. № 7-8. С. 317-322.
3. Гернет М. Н. Сотня детей-наркоманов // Вопросы наркологии. 1926. Вып. 1. С. 33-42.
4. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. П-156. Пензенский губернский земельный комитет. Оп. 1.
5. Декреты Советской власти: в 15-ти т. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. Т. 1. 324 с.
6. Мусаев В. И. Преступность в Петрограде в 1917-1921 гг. и борьба с ней. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 207 с.
7. Профилактика экстремизма в молодежной среде: учебное пособие для вузов / под ред. А. В. Мартыненко. М.: Юрайт, 2018. 221 с.
8. Сборник документов по истории советского законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. М.: Политиздат, 1952. 432 с.
9. Шоломович А. С. Отчет о диспансерной борьбе с наркотизмом в Москве // Вопросы наркологии. 1926. Вып. 1. С. 70-79.

DRUG ADDICTION COUNTERACTING IN SOVIET RUSSIA AND THE USSR (1917 – THE 1920S)

Mileshina Natal'ya Aleksandrovna, Doctor in History, Associate Professor
Potapova Lyudmila Aleksandrovna, Ph. D. in Law, Associate Professor
Kil'myashkina Tat'yana Sergeevna
Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseev, Saransk
natmil@mail.ru

The article analyses the measures to counteract drug addiction under formation and consolidation of the Soviet power in 1917 – the 1920s. The authors identify the factors, which predetermined the impetuous growth of drug addiction in the period of the Civil War and foreign intervention, characterize the social structure of the drug users. The paper shows the process of formation of the Soviet anti-drug legislation and concludes on relatively high efficiency of anti-drug campaign in Soviet Russia and the USSR in 1917 – the 1920s, which was determined by strict, often repressive measures towards the persons producing, distributing or using drugs.

Key words and phrases: drug addiction; normative and legal sources; social tension; narcotic substances; law and order; counter-action.

УДК 93/94; [27-523.4:69]:351.857(470-14)“1792/1855”
<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.2.7>

Дата поступления рукописи: 19.12.2018

В статье анализируется влияние органов государственного управления на процесс проектирования, финансирования и возведения культовых сооружений в Севастополе в первой половине XIX века. Установлено, что эти вопросы находились в компетенции как высшего командования военно-морского флота, так и отдельных руководителей центральных ведомств Российской империи, включая утверждение наиболее принципиальных вопросов храмового строительства в городе на уровне главы государства. При этом при формировании конфессионального пространства региона было признано необходимым установить историческую преемственность между духовной жизнью нового строящегося города и событиями христианской истории Херсонеса Таврического, которая обусловила внимание к Севастополю как одному из сакральных центров государства.

Ключевые слова и фразы: Севастополь; Николай I; обер-прокурор; Святейший Синод; А. С. Меншиков; А. С. Грейг; М. П. Лазарев; православие; римо-католики.

Осиповский Семен Николаевич, к. полит. н., доцент
Белоглазов Роман Николаевич, к.и.н.
Севастопольский государственный университет
simosip@gmail.com; belowr73@mail.ru

**РОЛЬ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ
КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ СЕВАСТОПОЛЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и правительства г. Севастополя,
проект «История взаимоотношений религиозных общин и органов государственной власти
в Севастополе (1783-2017 гг.)» № 18-49-920003.*

Анализ историографии становления и развития Севастополя в XIX веке свидетельствует о том, что среди соответствующих научных публикаций преобладают работы, посвященные периоду после Крымской войны. На формирование этой тенденции повлияли объективные и субъективные факторы. В частности, героическая оборона города в 1854-1855 гг. надолго сделала Севастополь объектом повышенного внимания как со стороны

широкой общественности, так и профессиональных ученых, что не могло не отразиться на содержании и характере научной литературы по теме. При этом в ходе военных действий были уничтожены практически все местные архивные и делопроизводственные документы, что затрудняет изучение истории города в довоенный период на региональном уровне. В этой связи только обращение к материалам центральных архивохранилищ позволяет восполнить существующие пробелы и ликвидировать «белые пятна» при реконструкции исторического прошлого Севастополя в указанный период.

Историография вопроса о взаимоотношениях властных структур и конфессиональных общин Севастополя подробно рассматривалась в отдельном исследовании [1], констатирувавшем отсутствие обобщающих работ, в том числе и по периоду первой половины XIX века. Данное обстоятельство обуславливает научную новизну представленной статьи, которая подготовлена преимущественно на документальных материалах, не вводившихся раньше в научный оборот.

Актуальность исследования обусловлена повышенным вниманием на современном этапе к истории возведения культовых зданий в Севастополе как со стороны профессиональных историков, так и представителей общественных и конфессиональных структур. Значимость этого вопроса определяется необходимостью гармоничного и конструктивного выстраивания государственно-конфессиональных отношений в многонациональном регионе на современном этапе, адекватного решения проблем, сформировавшихся в этой области в силу трагических исторических обстоятельств. В частности, в годы советской власти в городе почти полностью была ликвидирована церковно-административная структура всех конфессий, храмы подверглись конфискации и уничтожению или кощунственно использовались не по назначению для административно-хозяйственных целей.

Процесс восстановления исторической справедливости, возвращения к демократическим принципам соблюдения подлинной свободы совести и прав верующих начался только на рубеже 1980-1990-х гг. В связи с этим актуализировалась проблема полноценной правовой реабилитации религиозных организаций, возврата конфискованных культовых зданий, поиска средств на их реставрацию и восстановление. Решение этих задач оказалось возможным только на основе изучения исторического опыта формирования конфессионального облика города, роли и значения в его жизни конкретных религиозных общин, наиболее значимых в культурно-историческом отношении храмов и церквей.

Цель статьи – исследовать вопрос об участии органов государственной власти в процессе возведения культовых сооружений в Севастополе в первой половине XIX столетия. Основу источниковой базы работы составили документы и материалы центральных ведомств (Священный Синод, главный морской штаб, министерства императорского двора, военное, морское, внутренних дел, народного просвещения), хранящиеся в фондах Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург), которые позволяют охарактеризовать строительство храмов и жизнь религиозных общин города.

Первые культовые сооружения в Севастополе начали возводиться практически одновременно с развитием его военной и гражданской инфраструктуры в конце XVIII столетия. Основание города в 1783 г. ознаменовалось закладкой часовни во имя святителя Николая Чудотворца, построенной за счет сил и средств Черноморского флота (далее – ЧФ) и освященной к 1 ноября этого же года. В 1792 г. городская греческая община построила небольшую деревянную церковь во имя святых апостолов Петра и Павла с числом прихожан 104 человека, из которых 26 были флотские обер-офицеры [9, д. 105, л. 18 об.].

В 1795 г. за счет флота был построен Адмиралтейский собор во имя святителя Николая Чудотворца, который на протяжении более полувека являлся главным православным храмом города. В 1822 г. на личные средства вице-адмирала Ф. Т. Быченского была возведена церковь Всех Святых на городском кладбище. В первые десятилетия XIX века именно эти храмы служили удовлетворению религиозных запросов православных верующих Севастополя.

По мере становления и развития флота увеличивалось число военнослужащих и жителей, разместившихся и проживавших на территории города. В связи с этим закономерно возникла потребность в строительстве новых церквей, которые отвечали не только духовным запросам населения, а также могли стать символами архитектурного облика нового городского пространства, подчеркивавшими особую историческую связь Севастополя с расположенным в его пригороде Херсонесом Таврическим, сыгравшем особую роль в крещении князя Владимира.

Первоначально идея о необходимости увековечить память об одном из самых главных и судьбоносных событий истории Российского государства была сформулирована главнокомандующим ЧФ и портов, николаевским и севастопольским военным губернатором адмиралом А. С. Грейгом (англиканином по вероисповеданию), который считал необходимым возвести на месте древнего города Херсонеса памятник в честь крестителя Древней Руси.

В частности, в начале июля 1825 г. он направил письмо в адрес президента Императорской Академии художеств А. Н. Оленина, в котором изложил просьбу подобрать архитектора, способного подготовить соответствующие план и проект. При этом адмирал обосновал свою инициативу следующим образом: «Желая, дабы место древняго Херсонеса Таврическаго, столь знаменитого в летописях России совершившимся в нем крещением великого князя Владимира... было ознаменовано приличному сему великому происшествию памятником и намереваясь войти с представлением об исходатайствовании Высочайшего соизволения, как на сооружение оно, с небольшим при нем богоугодным заведением» [5, д. 31, л. 1-2].

А. Н. Оленин предложил провести необходимые работы профессору архитектуры А. И. Мельникову, который дал согласие с условием получения предварительного материального вознаграждения за свои труды. Однако А. С. Грейг планировал сооружение памятника исключительно за счет добровольных пожертвований и не имел возможностей оплатить услуги архитектора на этом этапе [Там же, л. 8 – 8 об.].

В том же году командующий ЧФ подготовил на имя императора Александра I специальную записку, в которой изложил свои предложения о строительстве памятника на Херсонесе и организации сбора пожертвований через подписку для финансирования этого проекта [8, д. 3, л. 2 – 2 об.]. Как известно, глава государства посетил Севастополь в октябре 1825 г. и, в свою очередь, «выразил желание увековечить знаменательный факт отечественной истории – крещение великого князя Владимира» [10, с. 13].

Последовавшая перемена верховной власти в России в декабре 1825 г. затруднила процесс дальнейшего рассмотрения вопроса о херсонесском памятнике на уровне первого лица государства, но не сняла его с повестки дня. Так, в январе 1828 г. министр народного просвещения А. С. Шишков подал на рассмотрение императора Николая I специальную докладную с характеристикой всех обстоятельств дела, связанных с реализацией этого проекта. О реакции государя красноречиво свидетельствует собственноручная резолюция, которую он наложил на этот документ: «Найдутся архитекторы, которые стоят г. Мельникова и возгнушаются брать деньги за составление проекта отечественного памятника: Стасов, Росси, Шустов, Шарлеман и много других» [5, д. 31, л. 8 об.].

Положительный отзыв императора на предложения о строительстве памятника способствовал тому, что к разработке необходимой проектной документации в марте 1828 г. приступило сразу несколько специалистов, приглашенных А. Н. Олениным: В. П. Стасов, К. И. Росси, С. Л. Шустов и В. И. Беретти. Однако уже в октябре этого года президент Академии был вынужден напомнить известным архитекторам о необходимости ускорить темп их работы, учитывая, что отсутствие результата в обозримой перспективе могло вызвать негативную реакцию со стороны высокого начальства. Первым на эти пожелания откликнулся В. И. Беретти, приславший в начале ноября 1828 г. два варианта своего проекта возведения памятника [Там же, л. 28], в конце месяца соответствующие документы были получены от В. П. Стасова и С. Л. Шустова.

5 февраля 1829 г. вся документация была представлена министром народного просвещения К.-Х. Ливеном на рассмотрение императора для утверждения главного проекта памятника и разрешения на открытие всероссийской подписки по сбору пожертвований для начала строительства.

Поскольку инициатива А. С. Грейга получила одобрение и сопровождение на уровне первого лица государства, постольку у нее появились высокие шансы на успешную реализацию. В связи с этим командующий ЧФ полагал, что аккумулированные денежные средства позволят построить, кроме памятника, еще некоторые мемориальные объекты на территории городища Херсонес. В частности, в письме на имя министра императорского двора, в компетенции которого также находились финансовые вопросы, А. С. Грейг отметил, «что для памятника на развалинах Херсонеса-Таврического он имеет в виду соорудить небольшую изящной архитектуры церковь, с устроением при оной богадельни для 30-ти человек дряхлых и неимущих» [2, д. 4518, л. 1].

Принимая во внимание эти не лишённые определенных оснований предложения, Николай I считал, что масштаб строительства новых культовых зданий на Херсонесе может быть определен только после завершения сбора пожертвований. До конкретизации и уточнения этих моментов император утвердил как основной, наименее затратный по финансированию проект обелиска архитектора В. И. Беретти [5, д. 31, л. 39 об.]. По высочайшему повелению главы государства на территории империи была открыта подписка по сбору средств в форме добровольных пожертвований для возведения памятника святому равноапостольному князю Владимиру на Херсонесе. При этом никакие другие сопутствующие ему объекты строительства не упоминались.

А. С. Грейг в организации привлечения денежных средств действовал последовательно и целеустремленно, учитывая, что конечный результат во многом зависел от помощи со стороны наиболее влиятельных структур государственной власти. Так, для активизации сбора денег командующий ЧФ в 1829 г. обратился к обер-прокурору Священного Синода князю П. С. Мещерскому с письменной просьбой оказать содействие в «приглашении усердных сынов России и истинных христиан к соучастию в сем патриотическом предприятии» [6, д. 12126, л. 5 – 5 об.]. Одновременно с этим А. С. Грейг отправил печатные копии этого письма епархиальным архиереям. В результате на сооружение памятника жертвовались различные суммы представителями православного духовенства практически во всех регионах России. В частности, об этом докладывали прокуроры Московской и Грузино-Имеретинской контор Священного Синода [Там же, л. 8-9, 14 – 14 об.].

Командующий ЧФ обратился с аналогичной просьбой в том числе и в министерство финансов, которое в июне 1829 г. направило соответствующие письма в адрес более чем 50 вице-губернаторов и некоторым другим чиновникам. В результате в течение всей второй половины года в канцелярию министерства поступали отчеты о собранных денежных суммах [3, д. 571, л. 13 – 34 об.]. В свою очередь, российская общественность охотно откликнулась на призыв о жертвованиях на строительство херсонесского памятника. К примеру, от артистов императорских Санкт-Петербургских театров поступило 747 рублей 54 копейки. Среди тех, кто сделал щедрый вклад (25 рублей) в общее богоугодное дело, был известный актер В. А. Каратыгин [2, д. 4518, л. 3 – 3 об.].

Уже к началу 1830 г. аккумулированные средства составили около 110 тысяч рублей. В современной научной литературе можно встретить утверждение о том, что на определенном этапе «собранная сумма лежала без движения на счетах Черноморской казначейской экспедиции, расположенной в Николаеве» [12, с. 75]. Однако в письме управляющему кабинетом императора П. М. Волконскому в 1833 г. С. А. Грейг сообщал о том, что деньги (к этому времени уже 230 тысяч рублей) были размещены на счетах Одесского коммерческого банка под процентный рост [5, д. 31, л. 57].

К 1836 г. объем привлеченных пожертвований составил сумму более 350 тысяч рублей ассигнациями, что позволило уже новому командующему ЧФ вице-адмиралу М. П. Лазареву выступить с инициативой об изменении цели проекта, а именно постройке вместо памятника нового собора в честь князя Владимира. В 1842 г. вице-адмирал получил высочайшее соизволение императора планировать строительство соответствующего храма непосредственно на территории центральной части Севастополя [8, д. 3, л. 2 об. – 3].

На выбранном для возведения собора месте находились частные дома полковника Антуновича, капитан-лейтенанта Леонтьева, жены священника Демьяновича и вдовы чиновника 9 класса Анисимова. С целью отчуждения этих объектов недвижимости для начала строительных работ начальник главного морского штаба генерал-адъютант, адмирал А. С. Меншиков составил проект высочайшего императорского указа с характеристикой всех юридических нюансов дела и предоставил его на рассмотрение в Государственный совет. Николай I подписал указ 2 февраля 1844 г. [Там же, л. 11 об.], что стало фактически точкой отсчета процесса по возведению будущего Владимирского собора (усыпальницы адмиралов).

Проектирование и создание еще одной севастопольской церкви также происходило при непосредственном участии первых лиц государства. В ночь с 5 на 6 сентября 1837 г. небольшой деревянный храм, построенный греками в 1792 г. во имя святых апостолов Петра и Павла, был полностью разрушен ураганным ветром. Впоследствии вопросами восстановления культового здания, а по сути, его нового капитального строительства занимались в том числе Николай I и А. С. Меншиков. В соответствии с высочайшим повелением императора был составлен и утвержден проект строительства на месте разрушенной церкви нового каменного собора, предусматривавший финансирование в объеме 66 965 руб. 31 $\frac{1}{4}$ копейки. При этом он предложил военно-морскому начальству для поиска необходимой суммы обратиться в Священный Синод.

В марте 1838 г. А. С. Меншиков поставил соответствующий вопрос перед обер-прокурором Синода, который был вынужден отказать в выделении всех требуемых денег, учитывая, что распределение средств его ведомства на строительство храмов уже было завершено. В результате финансирование соответствующих работ началось только благодаря личному указанию императора выделить необходимую сумму со счетов государственного казначейства [7, д. 19919, л. 7].

Строительство началось в 1839 г., но вопрос поиска денежных средств продолжал оставаться актуальным. В 1840 г. М. П. Лазарев был вынужден обратиться к А. С. Меншикову с просьбой о предоставлении в силу «новых, встретившихся обстоятельств... шестнадцати тысяч рублей серебром» [Там же, л. 7-8]. В частности, к сентябрю этого года основные работы близились к завершению, но материальных ресурсов не хватило для монтажа крыши, что создавало угрозу зданию в зимние месяцы. К этому времени М. П. Лазарев уже был вынужден осуществить заем денежной суммы (3000 рублей серебром) из средств, предназначенных для финансирования других городских объектов [Там же, л. 15 об.], чтобы продолжить работу. В очередной раз финансовый вопрос пришлось поднять на уровень центральных органов власти. После личного доклада А. С. Меншикова Николай I предложил следующую схему расчетов: Священный Синод выделял 16 тыс. рублей из своей казны для завершения возведения Петропавловского собора, приход которого в течение пяти лет после освящения храма должен был возместить эту сумму за счет продажи свечей и других пожертвований [Там же, л. 19-20].

В 1842 г. М. П. Лазарев представил императору проектные чертежи ограды, колокольни и домика, где должен был располагаться причт. Строительство этих объектов требовало денежной суммы в размере 15 524 рубля серебром. В очередной раз Николай I одобрил финансирование проекта через Священный Синод с последующей компенсацией выделенных средств из доходов, которые мог аккумулировать церковный приход в будущем [Там же, л. 27 – 27 об.].

Повышенное внимание, которое уделили вопросу о финансировании возведения собора во имя святых апостолов Петра и Павла первые лица государства и командования флота, обуславливалось необходимостью создания оптимальных условий для развития религиозной жизни быстро растущего города, население которого составляло уже к началу 1840-х гг. около 60 тысяч человек. Для православных верующих это имело особое значение, так как, по мнению М. П. Лазарева, непосредственно в городской черте для них долгое время был доступен только один храм – Адмиралтейский собор [Там же, л. 7 об.].

Указанная проблема была актуальной и для представителей других религиозных конфессий, что в рассматриваемый период прослеживалось в том числе и на примере общины римо-католиков. К началу 1840-х гг. в Севастополе проживало 3 457 католиков, как служивших в вооруженных силах, так и гражданских лиц [4, д. 422, л. 47]. Значительное число военнослужащих, исповедовавших католицизм, потребовало от М. П. Лазарева предусмотреть строительство за государственные средства нового католического храма. В первой половине XIX века в городе уже действовала одна церковь этой конфессии, располагавшаяся в очень ветхом казенном здании [Там же, л. 14 об., л. 46 об.]. Следует отметить, что в научных работах, посвященных истории городской католической общины [11], о ней нет упоминаний.

В соответствии с планом строительства Севастополя, утвержденном императором в 1837 г., предполагалось, что в центральной части города будет демонтировано здание уездного училища в силу его аварийного состояния. В случае реализации этого проекта освободившаяся площадка была определена как место для строительства новой католической церкви, с утвержденной сметой расходов в размере 76 218 рублей 15 копеек серебром [4, д. 422, л. 1]. Данное училище располагалось в доме, подаренном в 1826 г. чиновником 8 класса Морозовым, и к началу 1840-х гг. требовало масштабного капитального ремонта. В ноябре 1842 г. попечитель Одесского учебного округа доложил о сложившейся ситуации министру народного просвещения, а также обратился за разъяснениями к начальнику штаба ЧФ и портов контр-адмиралу С. П. Хрущову. Тот объяснил, что командование флота не имело средств, чтобы компенсировать стоимость здания, подлежащего сносу, а также на этом этапе не могло предложить альтернативного места, куда можно было перевести учебное заведение [Там же, л. 1 – 2 об.].

В декабре 1843 г. с целью окончательно определить судьбу севастопольского уездного училища в адрес А. С. Меншикова было направлено письмо за подписью министра просвещения С. С. Уварова и товарища министра П. А. Ширинского-Шихматова, это свидетельствовало о том, что рассмотрение вопроса было вынесено на уровень первых лиц заинтересованных ведомств. В документе акцентировалось внимание на аварийном

состоянии здания, которое стало представлять угрозу жизни и здоровью учащихся [Там же, л. 11 – 12 об.]. В ответном письме А. С. Меншиков сообщал, что вопрос о начале строительства нового костела для католиков ЧФ не получил окончательного решения в связи с отсутствием необходимых денежных средств. Реализация этого проекта фактически откладывалась на неопределенный срок, что допускало возможность подбора другого помещения для проведения богослужений [Там же, л. 13]. К этому времени уездное училище было переведено в новое безопасное помещение – дом генерал-майора Бефани за арендную плату 457 рублей 15 копеек в год.

Проблема поиска нового культового здания для католиков Севастополя не теряла актуальности и требовала разрешения хотя бы на основе временного компромисса. Один из таких проектов предложил местный купец Томазини, который гарантировал строительство за свой счет двухэтажного здания и передачу его под костел за арендную плату в размере 1000 рублей в год, что было примерно в два раза больше существующих городских цен при оформлении найма аналогичных объектов недвижимости. В свою очередь, капеллан ЧФ и портов ксендз Ф. Коперский предложил разместить церковь и причт в принадлежавшем ему строящемся доме за аналогичную арендную плату. При этом он требовал одновременно выделить из казны 3 тысячи рублей серебром для приобретения новой церковной утвари [Там же, л. 47].

Оба указанных варианта с размещением костела в частных домах были отвергнуты командованием ЧФ по причине завышенных финансовых требований их хозяев. Единственным приемлемым проектом по-прежнему было признано строительство нового храма за государственные средства. В связи с этим А. С. Меншиков посчитал необходимым обратиться к военному министру А. И. Чернышеву, учитывая, что католики проходили службу в Севастополе не только на флоте, но и в сухопутных войсках. Фактически вопрос о новом костеле выносился на межведомственное обсуждение и согласование основных силовых структур империи. В частности, А. И. Чернышев обратился по этому поводу лично к Николаю I, который «изволил находить справедливым, чтобы в постройке дома для католической церкви участвовали, по соразмерности, министерства: военное, морское и внутренних дел» [Там же, л. 45 об.].

После этого дальнейшее определение судьбы здания для католической общины Севастополя было передано в руки А. С. Меншикова и министра внутренних дел Л. А. Перовского. В контексте функционировавшей системы высших органов государственного управления это было логичное решение. Основная военная инфраструктура Севастополя находилась преимущественно под управлением военно-морского ведомства, строительными вопросами в котором занимался глава военно-морского штаба А. С. Меншиков, тогда как вопрос о деятельности католической церкви в целом относился к компетенции Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий в составе министерства внутренних дел. Разработка проектной документации была поручена комитету южного округа морской строительной части.

Осенью 1843 г. соответствующие работы были завершены, и последним аспектом подготовки документов оставался расчет сметы на строительство необходимых при костеле вспомогательных помещений [Там же, л. 59 об.]. Однако проект возведения храма в силу разных причин так и не получил практического воплощения, а в дальнейшем после Крымской войны севастопольским католикам пришлось самостоятельно решать вопрос о постройке своей церкви.

Таким образом, благодаря введению авторами в оборот новых, не публиковавшихся до этого документальных материалов из фондов Российского государственного исторического архива удалось исследовать малоизученные исторические сюжеты из жизни Севастополя, связанные с развитием государственно-конфессиональных отношений на региональном уровне в первой половине XIX века. В связи с этим можно сделать несколько следующих выводов.

В конце XVIII – первой четверти XIX столетия в Севастополе культовые здания за счет государственных средств возводились с целью удовлетворения только самых насущных потребностей малочисленного населения в условиях жесткого дефицита финансов, которые направлялись преимущественно на строительство объектов флотской и городской инфраструктуры. Появление новых церковных приходов и соответствующих храмов отчасти было результатом деятельности отдельных религиозных общин и частных лиц, материальные возможности которых также были существенно ограничены.

Во второй четверти столетия благодаря инициативе командующего ЧФ А. С. Грейга к вопросу о возведении памятника в честь крестителя Руси князя Владимира на территории городища Херсонес было привлечено внимание высших органов государственной власти и широкой российской общественности. Организованный благодаря этому сбор пожертвований в масштабах всей страны позволил аккумулировать значительные денежные средства. Это обстоятельство стало необходимым условием для того, чтобы новый командующий ЧФ М. П. Лазарев поставил вопрос об изменении первоначальной цели данного проекта – строительстве вместо памятника Владимирского собора в центральной части Севастополя, который должен был стать одним из церковно-архитектурных символов молодого города.

Вице-адмиралу М. П. Лазареву, который уделял большое внимание формированию полноценной городской инфраструктуры Севастополя, удалось добиться также государственного финансирования капитальной перестройки одного из первых православных храмов города – церкви во имя святых апостолов Петра и Павла. Кроме того, учитывая многоконфессиональный состав жителей и военнотружущих ЧФ, командующий предпринимал меры по созданию необходимых условий для деятельности местной общины римо-католиков.

Анализ рассмотренных исторических сюжетов свидетельствует о том, что специфика Севастополя как главной военно-морской базы на Черном море проявилась, прежде всего, в той роли, которую играли в процессах строительства культовых сооружений руководители высших органов государственной власти. В решении связанных с этим вопросов неоднократно принимали участие император Николай I, обер-прокурор

Священного Синода, глава военного ведомства, министры внутренних дел и народного просвещения, главный начальник морского штаба и подчиненные им структуры.

Православная община, представленная преимущественно русскими и греками, с момента основания города являлась самой многочисленной по числу верующих и духовенства, поэтому при возведении храмов учитывался фактор глубоких исторических корней православия в регионе, связанных с византийским периодом истории Херсонеса Таврического. Вместе с этим руководство города и государства в целом учитывало интересы и других конфессий, представленных на флоте и в Севастопольском регионе. В целом можно констатировать адекватное внимание к обеспечению духовных запросов основных этноконфессиональных групп в Севастополе со стороны представителей всех звеньев аппарата государственной власти.

Список источников

1. **Осиповский С. Н., Белоглазов Р. Н., Шимберева Е. В.** Отечественная историография взаимоотношений религиозных общин и органов государственной власти на территории Севастопольского региона (1783-2017 гг.) // Манускрипт. 2018. № 11 (97). Ч. 2. С. 211-221.
2. **Российский государственный исторический архив (РГИА).** Ф. 497. Оп. 1.
3. **РГИА.** Ф. 560. Оп. 6.
4. **РГИА.** Ф. 733. Оп. 78.
5. **РГИА.** Ф. 789. Оп. 20.
6. **РГИА.** Ф. 797. Оп. 3.
7. **РГИА.** Ф. 797. Оп. 5.
8. **РГИА.** Ф. 1152. Оп. 3.
9. **РГИА.** Ф. 1284. Оп. 188.
10. **Собор Святого равноапостольного князя Владимира – усыпальница выдающихся адмиралов Российского Императорского Флота** / ред.-сост. М. П. Апошанская. Симферополь: Бизнес-Информ, 2004. 330 с.
11. **Спесивцева Л. В.** Римско-католический костел в Севастополе // Культура народов Причерноморья. 2003. № 46. С. 115-118.
12. **Херсонесские Святыни:** популярный исторический очерк. Севастополь: Каламо-Пресс, 2002. 157 с.

**PUBLIC AUTHORITIES' ROLE IN RELIGIOUS BUILDINGS CONSTRUCTION
IN SEVASTOPOL IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY**

Osipovskii Semen Nikolaevich, Ph. D. in Political Sciences, Associate Professor

Beloglazov Roman Nikolaevich, Ph. D. in History

Sevastopol State University

simosip@gmail.com; belovr73@mail.ru

The article analyses public authorities' influence on the design, financing and construction of religious buildings in Sevastopol in the first half of the XIX century. It is ascertained that these issues were within the competence of both the Navy High Command and individual heads of central departments of the Russian Empire, including the approval of the most fundamental issues of temple construction in the city at the level of the head of the state. At the same time, while forming the confessional space of the region it was considered necessary to establish historic continuity between the spiritual life of the new city under construction and the events of the Christian history of Tauric Chersonesos, which conditioned attention to Sevastopol as one of the sacred centres of the state.

Key words and phrases: Sevastopol; Nicholas I; Chief Prosecutor; Holy Synod; A. S. Menshikov; A. S. Greig; M. P. Lazarev; Orthodoxy; Roman Catholics.

УДК 94(470)«1941/1943»

Дата поступления рукописи: 27.11.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.2.8>

В статье на основе архивных документов из фондов Государственного архива документов новейшей истории Калужской области и других региональных архивов рассмотрена проблема выявления коллаборантов в массе репатрированного населения по Калужской области в период с 1942 по 1945 гг. Показаны масштабы, механизм и итоги процедуры фильтрации, а также ее влияние на дальнейшие судьбы отдельных репатриантов и коллаборантов. Сделан вывод о неоднозначности итогов политики советской власти в отношении репатрированных в регионе и влиянии различных внешних факторов на определение меры вины выявленных коллаборантов.

Ключевые слова и фразы: Великая Отечественная война; репатриация; коллаборационизм; проверочно-фильтрационные дела; Калужская область.

Полугодин Андрей Дмитриевич

Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского

andrei.polugodin@yandex.ru

**ВЫЯВЛЕНИЕ КОЛЛАБОРАНТОВ СРЕДИ РЕПАТРИРОВАННОГО НАСЕЛЕНИЯ
В ПЕРИОД С 1942 ПО 1945 ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Вопрос выявления коллаборантов среди освобожденного от немцев населения до 90-х гг. XX века не изучался ввиду политических и идеологических причин. Случившаяся с распадом советского государства